

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382

«Идеальный шторм»: социально-экологический кризис в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. – взгляд через призму «экологической истории»

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. В последние десятилетия в западной историографии большую популярность завоевала т. н. «environmental history» (русским эквивалентом этого термина обычно служит словосочетание «экологическая история»). В современной отечественной исторической науке это направление делает первые шаги, хотя определенные и довольно серьезные наработки были сделаны рядом российских ученых в конце минувшего – начале нынешнего столетия. В данной статье автор предлагает взглянуть на события русской истории 2-й половины 60-х – начала 70-х гг. XVI в. под иным, чем прежде, углом зрения, используя методологию, принятую в «environmental history». На основе анализа летописных свидетельств и скудных данных актовых материалов автор приходит к выводу, что социально-экологический кризис, подготовленный резким ухудшением климата во 2-й половине XVI в. и запущенный сильнейшей эпидемией чумы и голодом, который был вызван мором, привели к масштабному социально-экономическому и политическому кризису в Русском государстве, который и можно считать той чертой, что разделила царствование Ивана Грозного на «светлую» и «темную» половины.

Ключевые слова: Раннее Новое время, экологическая история, малый ледниковый период, чума, голод, Россия, Иван Грозный.

Для цитирования: Пенской В.В. 2021. «Идеальный шторм»: социально-экологический кризис в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. – взгляд через призму «экологической истории». Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 367–382. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382.

«Ideal storm»: social and ecological crisis in the Russian state in the 2nd half of 60s – early 70s XVI century – a look through the prism of «environmental history»

Vitaliy V. Penskoj

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. In recent decades, in Western historiography, the so-called. «Environmental history» (the Russian equivalent of this term is usually the phrase «environmental history»). In modern domestic historical science, this direction is making its first steps. Note, however, that certain serious developments in this area were made by a number of Russian scientists at the end of the last – the beginning of this century. In this article, the author offers to look at the events of Russian history in the 2nd half

of the 60s – the beginning of the 70s. XVI century from a different angle of view than before. The author proposes to use the methodology adopted in environmental history as the basis for a new approach to the analysis of those events. On the basis of an analysis of the chronicle evidence and scanty data of assembly materials, the author comes to the conclusion that the sharp deterioration of the climate in the second half of the XVI century led to the depletion of the stock of stability of peasant farms as the basis of the economy of the Russian state. That followed at the end of the 60s of the XVI century its collapse was caused by a severe plague epidemic and the resulting famine. Together they led to a large-scale socio-ecological crisis and the subsequent multi-year depression and launched the mechanisms of a large-scale socio-economic and political crisis in the Russian state. It can be considered the trait that divided the reign of Ivan the Terrible into «light» and «dark» halves.

Key words: Early Modern, environmental history, little glacial age, plague, hunger, Russia, Ivan the Terrible.

For citation: Penskoj V.V. 2021. «Ideal storm»: social and ecological crisis in the Russian state in the 2nd half of 60s – early 70s XVI century – a look through the prism of «environmental history». *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 367–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382.

Введение

С того момента, как в США в 1967 г. американский исследователь Р. Неш опубликовал ставшую классической работу «Дикая природа и американское сознание», возникло, а затем получило развитие новое направление исследований на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин, т. н. «environmental history» (адекватный перевод этого термина, который был впервые употреблен все тем же Р. Нэшем в 1969 г., на русский язык пока отсутствует, ибо, на наш взгляд, используемое в отечественной научной среде определение «экологическая история» несколько сужает и обедняет сущность этого исследовательского феномена), оно широко распространилось в западном (прежде всего) мире. В особенности это стало заметным в последние десятилетия, когда «зеленое» движение на Западе завоевало прочные позиции в истеблишменте и общественном сознании, оказывая порой серьезное воздействие на политические решения, экономику и пр. Свидетельством популярности исследований на эту тему может служить необъятный (в буквальном смысле слова) пласт литературы, так или иначе связанной с «environmental history», который составляют равно академические изыскания [Hughes, 2001; Simmons, 2008; Thommen, 2012; Aberth, 2013; Hoffmann, 2014; Bison and People..., 2016; Fisher, 2018 и др.], справочники и энциклопедии [Encyclopedia of world..., 2004; A Companion to Global..., 2012; The Oxford handbook..., 2014; Companion to Environmental..., 2018 и др.], а также многочисленные научно-популярные работы [Diamond, 1997 и др.].

В России исследования, которые можно отнести к «энвайронментальным», появляются в конце 80-х – нач. 90-х гг. минувшего столетия [Кульпин, 1990]. Впрочем, сами по себе вопросы, связанные с взаимодействием человека и общества с окружающей средой и их взаимным влиянием, поднимались классиками отечественной исторической мысли еще в сер. XIX в. – к примеру, С.М. Соловьевым [Соловьев, 1991, с. 8]. И хотя это течение исторической мысли в нынешней отечественной историографии не получило развития, подобного тому, которое оно имеет на Западе, тем не менее за эти годы вышел целый ряд оригинальных исследований [Прусаков, 1999; Кренке, 2011], среди которых выделяется нашумевшая и ставшая едва ли не сразу классической работа Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» [Милов, 2001]. В ней историк изложил (на наш взгляд, смотрящуюся весьма убедительно) концепцию, в рамках которой тесно увязал особенности природно-климатических условий «коренной» России с характером русских политических, экономических и социальных отношений и русского же менталитета.

Объекты и методы исследования

В нашу задачу не входит подробная характеристика и разбор историографии (как отечественной, так и тем более зарубежной), посвященной «environmental history», тем более что такая работа уже проделана некоторыми исследователями [Дурновцев, 2017]. Наша цель заключается в другом – используя метод «экологической истории», взглянуть под этим углом зрения на события русской истории 2-й половины – нач. 70-х гг. XVI в. Однако прежде чем приступить к этому анализу, определимся с тем, что такое «environmental history» и какова сфера ее деятельности. Один из исследователей, занимающихся этой проблемой, Д. Хьюз, дает такое определение «экологической истории» и ее задач. «Задача экологической истории, – пишет он, – изучение человеческих взаимоотношений во времени с естественными системами, частью которых являются люди, чтобы объяснить процессы перемен, воздействующих на эти отношения. В качестве метода экологической истории используется экологический анализ как средство понимания истории человечества. Он изучает взаимные эффекты, которые другие виды, природные силы и циклы оказывают на людей, а также действия людей, которые влияют на систему взаимосвязей с другими организмами и явлениями» [Hughes, 2001, p. 4].

Другой «энвайронменталист», Л. Томмен, писал по этому поводу, что «экологическая история исследует прошлое взаимодействие между людьми и остальной частью природы, то есть те условия окружающей среды, которые преобладали в прошлом, и их восприятие и интерпретация современниками» [Thommen, 2012, p. 10]. И это второе определение в нашем случае подходит даже больше, поскольку мы будем анализировать показания в первую очередь нарративных источников (свидетельства летописей), по определению субъективных, рисующих перед их читателями ту картину, которую хотел сохранить для них автор текста, проверяя их информацию анализом сохранившихся немногочисленных актовых материалов.

Результаты и их обсуждение

Теперь, когда мы определились с тем, чем занимается «экологическая история» и что является объектом ее внимания, вкратце охарактеризуем развитие событий в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. Важнейшим событием этого времени, которое определяло, по большому счету, ход истории, была война. Точнее, сразу две войны. Первая, главная война Иван Грозного, «война двух царей» – конфликт с Крымским ханством. Начавшись в 1552 г., когда после дворцового переворота к власти в Крыму пришел хан Девлет-Гирей, эта война постепенно набирала обороты, пока наконец в конце 60-х гг. не достигла своего апогея. Сперва совместная экспедиция крымцев и турок на Астрахань, а затем два похода хана на Москву – в 1571 и 1572 гг. – ознаменовали наиболее критический момент в ее истории, и преодолеть этот кризис Москве удалось с большим трудом. Другая война, может быть, не столь яркая, но не менее изнурительная – война Полоцкая с Великим княжеством Литовским, начавшаяся в 1562 г. и закончившаяся подписанием краткосрочного перемирия в 1570 г. Тяжелые и дорогостоящие войны обострили противоречия внутри русской правящей верхушки, и Иван Грозный, пытаясь найти выход из этого кризиса, пошел на шаг, поразивший современников и оставшийся предметом споров среди историков и по сей день, – учредил в январе 1565 г. знаменитую опричнину.

Эти события, в особенности загадочная опричнина, заслонили собой все остальные и предопределили тот угол зрения, под которым историки рассматривают эти годы правления первого русского царя. Именно в них принято видеть основные причины того глубокого социально-экономического кризиса, который поразил Русское государство именно в эти годы. Так, П.А. Соколовский в 1878 г. утверждал, что ни климат, ни природная среда или развитие способов хозяйствования на земле не могли принести такого вреда и вызвать массовое запустение, бегство крестьян и разрушение экономики, как внутренняя политика

Ивана Грозного [Соколовский, 1878, с. 173]. О.Н. Яницкий в 1915 г. видел причины экономической катастрофы конца 60-х – нач. 80-х гг. XVI вв. на Новгородчине и прилегающих к ней районах не в присущих поместной системе пороках и не в колонизации черноземных земель на юге, которая стала возможной после того, как была подвергнута серьезной реорганизации и укреплению русская граница на этом рубеже, и даже не в **войне, эпидемиях и голоде, которые полагал второстепенными и побочными** (выделено нами – В.П.), но в существенном повышении поборов с крестьян и начавшейся конвертации натурального оброка в денежный. Вкупе с закрытием «окна в Европу» в результате проигранной Ливонской войны, полагал историк, и запущенной в эти годы смены традиционного натурального хозяйства на хозяйство денежное, это и стало главной причиной кризиса [Яницкий, 1915, с. 131].

Советская историческая наука в общем унаследовала этот подход к изучению социально-экономического кризиса конца правления Ивана Грозного и определению его причин. И вот один из основоположников классической советской историографии Б.Д. Греков в своем фундаментальном исследовании «Крестьяне на Руси» писал, что разрушительный социально-экономический кризис конца правления Ивана Грозного, истощивший «великую и страшную мощь московита», был обусловлен долгими и опустошительными войнами, который вел Иван IV, а также острой внутривосточной борьбой между земщиной и опричниной. Как результат, продолжал он, «налоги непомерно увеличились, потому что шла тяжелая война, что уменьшение запашки – вследствие обеднения и разброда населения – вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошла моровое поветрие и смерть» [Греков, 1954, с. 243, 245]. Таким образом, по мнению маститого историка, рост налогов обусловил бегство населения, соответственно, упала площадь распаханных и используемых земель, отсюда голод, а за ним пришел мор.

Выдающийся знаток русской истории XVI в. А.А. Зимин в общем поддержал мнение Б.Д. Грекова. По его мнению, основная причина социально-экономического кризиса была связана с непомерным ростом податей и повинностей, взимаемых с крестьянских хозяйств, и на эти обстоятельства наложились еще война, опричнина и болезни с голодом [Зимин, 1962, с. 20]. И это все, вместе взятое, вогнало аграрную по своей сути экономику России в глубочайший кризис. А вот С.М. Каштанов встал на сторону О.Н. Яницкого, считая, что первопричиной кризиса, запустившей механизмы саморазрушения экономики, стала злая воля помещиков, стремившихся выжать из своих условных владений возможно больший доход в кратчайшие сроки [Каштанов, 1963, с. 114–115].

Таким образом, можно сказать, что и в дореволюционной, и в советской историографии сложилось довольно определенное и доминирующее мнение относительно главных причин кризиса. На первое место отечественные историки – что в XIX, что в XX вв. – ставили неизменно причины субъективного свойства, а вот объективные при этом отходили на второй план, если вообще брались в расчет. В определенном смысле это выглядит довольно загадочно, ибо, как может показаться, именно советская историография с ее глубоко материалистическим подходом к изучению истории должна была обратить особое внимание именно на объективные факторы, определяющие ход исторического процесса. И это тем более странно, если, к примеру, вспомнить вопрос, который задавал себе и своим читателям Б.Д. Греков. Как получилось так, спрашивал он, что поместная система хозяйствования, исправно работавшая на протяжении многих десятилетий, в 70-х – 80-х гг. XVI в. вдруг дала сбой? [Греков, 1954, с. 237], а именно в эти годы произошла катастрофа? Аберрация зрения, заложенная господствующим в отечественной «грозниане» с сер. XIX в. «либеральным» «дискурсом», волей-неволей, но фокусировала внимание исследователей на личности первого царя и его деяниях, в особенности, конечно, на феномене опричнины, которая, порой создается впечатление, выступала в роли такого Deus ex machine, внезапно возникающего из ниоткуда и отвечающего на все вопросы. Между тем тяжкие изнурительные войны и внутривосточные неурядицы отнюдь не редкость в

России раннего Нового времени, равно как и неизменность основы экономики – Московия того времени относилась, безусловно, к обществам «Первой волны» (Э. Тоффлер), основу и фундамент экономики которых составлял аграрный сектор, причем ориентированный не на рынок, а на простое воспроизводство.

Расширенное же воспроизводство при тогдашней архаичной агротехнике, низкой энерговооруженности (работы выполнялись главным образом за счет мускульной энергии человека и домашних животных) и сельскохозяйственном инвентаре было возможно в первую очередь за счет расширения введенных в хозяйственный оборот земель, пахотных и пастбищных. Соответственно, успешное развитие такой экономики во многом зависело от того, сколько будет вовлечено в производство рабочих рук и тягловой силы (лошади, волы и пр.). Когда же в силу разных причин численность населения падала и сокращалось поголовье рабочего скота, неизбежно возникали проблемы не только с расширенным, но и с простым воспроизводством. Запустение земель, сокращение сельскохозяйственного производства автоматически влекло за собой падение производства и в других сферах экономики.

Здесь самое место привести любопытное наблюдение отечественного исследователя Е.И. Колычевой, имеющее непосредственное отношение к нашему случаю. Характеризуя острейший социально-экономический (и политический, являющийся неизбежным следствием первого) кризис конца 60-х – 80х гг. XVI в. в России, она отмечала, что разрушительные экономические кризисы в докапиталистическую эпоху были связаны с недопроизводством. Развивая свою мысль дальше, она отмечала, что в ситуации перенапряжения хозяйства страны, вызванного экстремальными условиями, в которых ему приходилось действовать, любое стихийное или подобное ему бедствие, затронувшее большую часть страны, могло ввергнуть экономику государства в подлинную катастрофу. Главным последствием ее могла (и, как правило, становилась) тяжелейшая депрессия, для выхода из которой требовались порой не годы, а десятилетия [Колычева, 1987, с. 172, 178].

То, что во 2-й пол. 60-х гг. XVI в. Россия вела две войны сразу, с Крымом и Литвой (не говоря уже о том, что беспокойно было в «подрайской Казанской земле», на «нагайской украине» и, само собой, в Ливонии, где продолжался дележ наследства скончавшегося большого человека северо-восточной Европы), уже было сказано выше. Но точно также было отмечено выше и то, что ситуация, когда Русскому государству приходилось вести боевые действия сразу на нескольких стратегических направлениях, вовсе не была такой уж и новинкой. Однако на эту ситуацию войны на несколько фронтов, требовавшей немалого напряжения сил и государства, и общества, наложилась другая. В свое время французский историк Ф. Бродель в своем ставшим классическим труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» писал, что «на протяжении «раннего» XVI века климат был повсеместно благоприятным, тогда как «поздний» повсюду отмечен атмосферными нарушениями» [Бродель, 2002, с. 374]. Этот свой тезис он развил в другом своем исследовании, «Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», отмечая в нем, что период между 1540 и 1560 годами ознаменовался кризисом, который четко разделил XVI в. на две половины, раннюю «светлую» и «темную» позднюю [Бродель, 2007, с. 62].

Нетрудно заметить, что интересующий нас период целиком и полностью попадает в «поздний» XVI в., мрачный и отнюдь не залитый солнцем. И эта его «мрачность» связана с т. н. «малым» ледниковым периодом. Характеризуя климат II тыс. н. э., отечественные исследователи Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий отмечали, что «отличительная особенность климата последнего тысячелетия – наличие сравнительно теплого периода – малого климатического оптимума в VIII – XIII вв. и наступление вслед за ним в XIII – XIV в. очередного похолодания, которое с некоторыми флуктуациями (выделено нами – В.П.) продолжалось до середины XIX в.». В ходе этого малого ледникового периода, продолжали они, климат существенно ухудшился, стал более неустойчивым и холодным, что неизбежно привело к сокращению вегетационного периода. Это последнее обстоятельство для тогдашней России, практически полностью находившейся в зоне рискованного земледе-

лия, имело весьма негативные последствия (на что обращал внимание, кстати, Л.В. Милов [Милов, 2001, с. 196, 210–213, 384]). Эти климатические перемены, подчеркивали исследователи, нанесли существенный ущерб экономике Европы и прилегающих к ней регионов [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62].

Мы не случайно выделили в цитате слова о некоторых климатических флуктуациях – климат в эту эпоху колебался, и порой в весьма широких пределах. Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий отмечали, что большая часть XV в., от начала его и до 80-х гг., была, пожалуй, едва ли не самым неблагоприятным периодом, поскольку для него было обычным явлением неустойчивость погоды и частые климатические аномалии. Начало следующего столетия ознаменовалось наступлением определенного потепления, пик которого пришелся на 1500–1540 годы, а затем началось очередное похолодание, достигшее вершины в конце 60-х – 1-й пол. 70-х гг. XVI в. [Дулов, 1983, с. 17; Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 68–69, 70; Бараш, 1989, с. 176, 197]. При этом, характеризуя погоду в России в XVI в., исследователи писали, что большая часть первой четверти столетия совпала по времени с более или менее благоприятными климатическими условиями. Однако, начиная с 1524 г., указывали Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий, климат резко ухудшается и «на протяжении более 40 лет (1524–1570) редкий год на Руси не отмечается опасных метеорологических явлений» [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 189].

В том, что дело обстоит именно так, убеждают скупые строки летописей. Так, под 7048 годом (1539/40 год по современному летоисчислению – **В.П.**) псковский книжник записал, что «бысть осень дождлива вельми (т. е. осень 1539 г. – **В.П.**), не дало солнцу просияти и до заговейна Филиппова за две недели (т. е. с сентября до начала ноября не было солнечных дней – **В.П.**), и яровой хлеб на полех и на гоумнех изгнил; а зима была снежна, а весна была студена, и вода велика и через лето, и рожь не родилася, вызябла с весны, и пожни по обозерью и по рекам поотнялися» [Псковская 1-я летопись, 2003, с. 109].

Следующая весна выдалась поздней, а лето холодным. Так, Холмогорская летопись отмечала, что «тое ж весны зима была долга, а река плыла в Петрово говенье...», т. е. ледоход на Северной Двине начался 29 июня! Между тем спустя пять лет весна считалась ранней – ледоход начался за полторы недели до Пасхи, пришедшейся тогда на 17 апреля ст. ст. [Холмогорская летопись, 1977, с. 136; Двинской летописец, 1977, с. 167]. Под 7052 (1543/44) годом новгородский книжник отметил в своих записях, что «бысть вода велика» [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 148; Александров-Невская летопись, 2009, с. 144; Львовская летопись, 2005, с. 464; Писцовые книги Новгородской земли, 2004, с. 318, 319, 324].

Сложным оказался и 1547 г. По весне случилась сильная засуха [Русский хронограф, 2005, с. 527]. Зима 1547/48 года запомнилась дождями и оттепелью («теплота велика и мокрота многая»), которые сорвали 1-й поход Ивана IV на Казань, вынудив его в феврале 1548 г. повернуть обратно [Львовская летопись, 2005, с. 437]. Лето же 1548 г. выдалось неурожайным, так как, по словам летописца, «того же лета дождя было много и хлеб родился скудно» [Русский хронограф, 2005, с. 528]. Другая оттепель, наставшая в феврале 1550 г. («ветры сильные и дожди великие и мокрота немерная» [Львовская летопись, 2005, с. 477]), сорвала и 2-ю экспедицию Ивана IV на Казань. Зима 7059 (1550/51) года выдалась снежная и морозная («снега великие и морозы») [Львовская летопись, 2005, с. 478]. Весной 1554 г., отмечал новгородский летописец, «воды прибыльные, не было ничего на полех». Сильное половодье повторилось и спустя три года [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 182, 183], а затем, в конце лета – начале осени, зарядили дожди, а затем ударили ранние морозы, побившие неубранный урожай [Львовская летопись, 2005, с. 580].

Климат продолжал оставаться неустойчивым и в последующие годы – природные аномалии продолжали повторяться с пугающей регулярностью. Зима 1557/58 года выдалась «гола без снегоу с Рождества Христова, и ход был конем ноужно грудовато» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 235]. Суровая зима 1558/59 года сменилась холодной весной, и

4 мая 1559 г. на Новгородчине «пала туча велика снегу, да и мороз был велик и ветер» [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152]. Конец же года запомнился на Северо-Западе очередной природной аномалией. В конце ноября – начале декабря 1559 г. «по грехом пришла груда великая и беспуга кроме обычая» [Львовская летопись, 2005, с. 616]. Бесснежная зима привела к тому, что по весне «вода была мала, сухота по всем рекам» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 238]. Дождей не было и летом 1560 года, и псковский летописец с печалью констатировал, что «то же лето было сухо, яровой хлеб не родился, присох бездожием» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 240].

Плохим выдался 1562 г. По словам псковского книжника, «сие лето зима была добре снежна, а весне вода была велика в реках, и не памятят люди таковой поводи (половодье едва не сорвало начало кампании против литовцев со стороны русских войск – **В.П.** [Разрядная книга, 1966, с. 197]), и мельниц много теряло». После же весеннего половодья пришло ненастное лето. По словам все того же книжника, «на лете было дождливо в сенокос и в жатву; а рожь жати починали в богородитцкой пост поздно (середина августа – **В.П.**), а рожь худа родилась, с весны были северики ветры и мразы и до Петрова говенья (конец июня – **В.П.**); а яровой хлеб был добр, да не дало обряжати хлеба и ржи и яри дождам, ни сеати хлеба ржи...». Дожди, по словам летописца, длились месяц – с середины августа до середины сентября [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 243; Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152]. В следующем, 1563 г., осень выдалась дождливой, «поводи были в реках аки весне до трижды, а к четвертой поводи пало снега много, и озеро и река Великая стало и поуть людям декабря в 3 день». Однако морозы продержались всего шесть дней, после чего началась сильная оттепель, «за многи лета такой поводи не бывало», и «людям пакости много починило» и во Пскове, и в Новгороде. И напоследок, в довершение всех бед, под осень, «во Пскове и по волостем у христиан по огородам черви капусту поядоша, и нет памятухов такового не бывало, и по репищам репы теже черви нятину объели» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248].

Новый 1565 г. также не обошелся без чрезвычайных происшествий. Сперва в июне в Новгородской земле сильный град побил посевы, а затем в августе зарядили сильные дожди. Они вызвали сильное половодье («аки весною») и затруднили сбор урожая [Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 404; Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152].

Природные аномалии и неблагоприятные климатические явления, повторявшиеся раз за разом из года в год, подрывали устойчивость аграрного сектора экономики и лишали крестьянские хозяйства запаса прочности, необходимого для того, чтобы пережить эти беды и выполнить свои обязательства перед властью. До поры до времени, однако, ситуация еще сохранялась в пределах допустимого, балансируя, правда, при этом на грани кризиса, но с началом Ливонской войны 1558–1561 г., плавно перетекшей в войну Полоцкую 1562–1570 гг., она неизбежно должна была качнуться в худшую сторону. Русский Северо-Запад (Псковщина и Новгородчина в первую очередь) превратились в «прифронтовую» зону, что со всей неизбежностью крайне негативно сказалось на местных жителях и их хозяйстве. Центральные же и южные уезды тем временем все сильнее и сильнее втягивались в обеспечение боевых действий в ходе «Войны двух царей». Нагрузка на крестьянские хозяйства, и без того с трудом удерживавшиеся на плаву из-за климатических колебаний, еще более возросла. Мало того, что помещикам и вотчинникам нужны были деньги, провиант и фураж для того, чтобы снарядиться на государеву службу, но и государство требовало и от крестьян, и от посадских денег, людей, лошадей, провиант, фураж и много еще чего другого, что необходимо было ему для ведения войны.

Как отмечала Е.И. Колычева, здесь, на окраинах Русского государства, в это время «наблюдается **крайне неустойчивое равновесие** (выделено нами – **В.П.**) с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожаев, эпидемий, набегов кочевников, Ливонской войны», причем, отмечала она, Северо-Запад по-

страдал от этого больше всего (впрочем, выводы относительно размеров признаков предкризисного состояния на Северо-Западе сделать намного легче, чем по отношению к остальным уездам, по той простой причине, что здесь сохранились более или менее массовые источники) [Колычева, 1987, с. 172].

Выделили именно это место в цитате из работы Е.И. Колычевой, где речь идет о сложившейся на русском Северо-Западе (и, надо полагать, остальной части Русского государства тоже) ситуации неустойчивого равновесия. Любой толчок мог сместить это равновесие в ту или иную сторону – как отмечал А.Г. Ильинский, «при свободном и правильном развитии общественных сил всякие временные потери быстро возмещаются усиленной деятельностью тех же уцелевших общественных элементов» [Ильинский, 1897, с. 142]. А если они, эти общественные элементы, не уцелели? В общем, учитывая общий «тренд», вероятность развития событий по негативному сценарию была выше, и долго ждать реализации этой вероятности не пришлось. Все прежние проблемы очень скоро померкли на фоне новой беды, которая очень быстро набрала невиданный размах и превратила постепенно нараставший кризис в подлинную катастрофу.

Первые признаки надвигающейся беды обозначились еще в 1564 г. В Полоцке, незадолго до этого взятом русскими войсками, вспыхнула эпидемия. По сведениям псковского летописца, после того, как Иван Грозный покинул Полоцк, в нем «бысть мор, и много людеи мерло и дети боярских ...» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 244]. Из краткого летописного сообщения неясно, что это была за болезнь, однако можно предположить, что перед нами первая волна чумы, которая с 1564 г., будучи занесенной из Венгрии, где имперские войска сражались с турками, волной катилась по Европе. Согласно польскому хронисту М. Стрыйковскому, именно моровое поветрие, поразившее Великое княжество Литовское, не позволило литовскому наивысшему гетману Н. Радзивиллу Рыжему отвоевать Полоцк в том же 1564 г. [Strykowski, 1846, S. 414]. Впрочем, даже если болезнь, косившая гарнизон русского Полоцка, и не имела отношения к этому поветрию, то отмеченная псковским летописцем новая эпидемия в Полоцке по осени 1565 г., от которой скончался тамошний архиепископ Трифон [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248], явно была связана с успешной русской экспедицией против литовской крепости Озерища. Пленные литовцы занесли заразу в Полоцк, а оттуда мор начал свое шествие по Русской земле.

Из Полоцка повальный мор по весне 1566 г. вернулся обратно на Озерища. По словам летописца, в городе «вымерло много, мало осталось». После этого мор объявился в Великих Луках, в Смоленске, Торопце «и по многим местом гнев божию был велик» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248]. Составитель Лебедевской летописи был более словоохотлив, нежели неизвестный псковский книжник, сообщая своим читателям, что «на Невле, на Луках Великих, в Торопце, и многие люди знаменем умирали; в Полотцку же и в Торопце на посадах и в уезде попы вымерли и не было кому и мертвых погребати; а посыланы попы в те города из ыных городов...» [Лебедевская летопись, 2009, с. 352].

Мор шел широким фронтом, и в сентябре 1566 г. эпидемия охватила западную и северо-западную окраины Русского государства, от Новгорода до Смоленска. Тревожные вести шли в столицу одна за другой – сначала Иван Грозный и бояре узнали о том, что «Сентября в 1 день в Можайску на Добрейском яму явилось лихое поветрее: умирали люди знаменем». Наученные прежним горьким опытом, царь и Боярская дума немедленно ввели жесткий карантин [Дополнения к Никоновской летописи, 2000, с. 404], однако болезнь продолжала шириться несмотря ни на что. «Того же месяца Сентября в 10 день писал к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси из Великого Новагорода Пимин архиепископ Великого Новагорода и Пскова, – писал летописец, – что в Великом Новгороде появилось лихое поветрее на посаде на штинадцати улицах, многие люди умирают знаменем». Тогда же, в сентябре 1566 г., мор ударил и по Смоленску – согласно воеводской отписке оттуда, «Сентября месяца появилось лихое поветрее, в городе в Смоленску и на посаде, умирают многие люди знаменем». Последствия эпидемии были трагическими – в городе «вымерли от священ-

нического и иноческого чину и посадские люди з женами и з детми и боярские люди, безчисленно их померло, и многие дома затворилися и церкви многие без пения были; также и в уезде поветрее было немало». Опустошив Смоленск и его округу, болезнь утихла к марту следующего года [Дополнения к Никоновской летописи, 2000, с. 404], в Новгороде же она продолжалась до мая того же года.

Какой урон нанесла эта первая волна болезни? Если верить Вологодской летописи, то в Смоленске тогда вымерло больше половины населения [Вологодская летопись, 1982, с. 173]. В том, что это если и преувеличение, то не слишком большое, убеждают сведения писцовых книг. Согласно им, в дворцовом селе Паозерье новгородской Шелонской пятины с тянувшими к нему деревнями за два десятка лет, с начала 50-х гг. XVI в. по начало 70-х гг., к моменту составления писцовой книги, пришли в запустение 136 деревень. Составители писцовой книги записали, что 53 деревни остались без жителей по причине мора, причем 34 из них как раз именно в 7075 (1566/67) году, еще 51 деревня числилась заброшенной без указания причин (надо полагать, что узнать о судьбе их жителей было просто не у кого), а 2 деревни запустели во все том же 7075 г., но без указания причины [Подсчет. авт. по: Писцовая книга дворцового села Паозерья... 2009, с. 148–180]. Необычно большой в 7075 г. была смертность и в Новгороде. Согласно писцовым книгам, в этом году на Софийской стороне были заброшены 45 дворов из 196, запустевших за четверть столетия, с 7060 по 7084 годы [Подсчет. авт. по: Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода... 2001, с. 55–117].

В следующем, 7076 г., эпидемия как будто пошла на спад, так что старец Иосифо-Волоколамского монастыря Игнатий Зайцев с облегчением записал в своих летописных заметках, что «лета 7076 был мор да не велик». Но радость старца оказалась преждевременной – на следующий год мор, наверстывая упущенное, ударил по Русской земле с новыми силами. С печалью инок записал в своем летописце, что в 7077 г. «на Москве и по многим городом мор был велик. В Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и ш்வалей много вымерло» [Зимин, 1950, с. 21].

В 7078 (1569/70) г. эпидемия продолжала бушевать с неослабевающей силой. Петр Ловушка, соловецкий монах, в своем летописце записал, что «того же году был мор великой во всю землю Рускую» [Корецкий, 1981, с. 236; Зимин, 1950, с. 21]. Видимо, в этом году болезнь если и уступала по размаху первой волне, то не намного – так, на Софийской стороне в Новгороде в этом году запустело 40 дворов против 45 в 7075-м [Подсчет. авт. по: Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода... 2001, с. 55–117]. Внезапную смерть, одна за другой, двух жен Ивана Грозного, Марии Темрюковны и Марфы Васильевны Собакиной, видимо, тоже можно записать на счет этого мора.

Моровое поветрие продолжало бушевать и в 7079 (1570/71) г. О характере эпидемии осенью 1570 г. в Новгороде свидетельствует летописная запись о захоронении в сентябре месяце в братской могиле 10 тыс. умерших от болезни [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 159, 196]. Сильно страдала от эпидемии и столица Русского государства Москва. Здесь, если верить немецкому авантюристу А. Шлихтингу, осенью умирало от болезни каждый день от 600 до 1 000 человек [Шлихтинг, 2005, с. 375]. Для того чтобы захоронить умерших от мора, согласно другому немцу, Г. Штадену, «вокруг города Москвы в поле вырыли большие канавы и скидывали туда мертвых без гробов – 200, 300, 400, 500 – в одну кучу» [Штаден, 2008, с. 123]. В северном Устюге, по словам летописца, «от прыща и железы» (т. е. от бубонной чумы) в 7079 г. «на посаде померло, скажут, 12 000, опроче прихожих» [Устюжская летопись, 1982, с. 103]. Лишь поздней осенью 1571 г. болезнь пошла на убыль [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 159, 196].

Однако постепенное прекращение смертоносного мора не принесло долгожданного облегчения – к трем предыдущим всадникам Апокалипсиса присоединился четвертый – голод. Болезнь подкосила и без того державшиеся на грани крестьянские хозяйства. «Эпидемия изменила половозрастной состав населения, породила большое количество неполных и без-

детных семей, нарушила родственно-соседские связи в деревне и тем самым привела к деформации общины», – отмечала Е.И. Колычева. И, развивая свой тезис, дальше она подчеркивала, что «неполная семья, лишенная частично или полностью взрослых мужских рук и помощи соседей, была не в состоянии распахать надел в прежнем объеме», а «наиболее молодые и сильные, не обремененные детьми, уходят в другие края, за пределы уезда». В итоге «нарушение (в результате главным образом эпидемии) нормального воспроизводства населения привело к тому, что *нарастание экономического кризиса на какой-то период стало необратимым* (выделено автором – **В.П.**)...» [Колычева, 1987, с. 187]. Возникновение голода в этих условиях становилось практически неизбежным, и он не замедлил явиться.

Отметим, что, согласно тем же псковским и новгородским летописям, колебания климата и природные аномалии в 40-х – 60-х гг. регулярно приводили к неурожаем и голодовкам. Так было, к примеру, в 7048, 7050, 7051, 7052, 7056, 7057, 7058, 7059, 7062, 7065, 7069, 7071, 7072, 7074 гг., причем неурожаи, хлебная дороговизна и голодовки носили, судя по всему, равно и локальный характер, и захватывали большую часть территории Русского государства. И когда в 7076 г. неурожаем обернулся ростом хлебных цен и голодовкой, то это не было каким-то экстраординарным явлением, а лишь продолжило предыдущую цепочку неурожаев и голодовок. Однако на этот раз эта беда наложилась на мор и последствия затянувшейся войны, и в итоге получилось то, что можно назвать «идеальным штормом», который, продолжая действовать на протяжении нескольких лет, и вогнал экономику Русского государства в глубочайший кризис и депрессию, для выхода из которых потребовалось намного больше лет.

На современников начавшийся в 7076 (т. е. в 1567/1568) г. голод произвел необыкновенное впечатление. Уже упоминавшийся прежде старец Петр Ловушка сообщал своим читателям, что «того же году был на Руси глад великой, купили на Москве четверть ржи в полтора рубля» [Корецкий, 1981, с. 236]. Оставшийся неизвестным монах Кирило-Белозерского монастыря в своем летописце под 7077 записал, что «бысть глад, по всей Руской земле глад. И не бысть таков[а] за вног[о] лет» [Анхимюк, 1992, с. 128]. В другом, позднейшем летописце, под тем же годом было записано, что «того же году недород был великой хлебного плоду: рожь обратилась травой мялицей и бысть глад велий по всей вселенней» [Тихомиров, 1941, с. 89].

Никуда не делся голод и в 7078 (1569/70) году. На Соловках все тот же Петр Ловушка записал в летописце, что «того же году был на Москве глад великой и по всей земли Руской, хлеб был дорог, многие люди гладом измирили» [Корецкий, 1981, 237]. Похоже, что в 1570 г. голод набрал максимальный размах – во всяком случае, согласно данным, собранным А.Г. Маньковым, именно в этом году происходит резкий, 10-кратный скачок цен на рожь [Маньков, 1951, с. 106].

Ситуация не переменилась к лучшему и в 1571 г. В мае этого года перебежавший к крымцам сын боярский Кудеяр Тишенков предлагал крымскому хану идти прямо на русскую столицу, заявляя ему, что де «на Москве и во всех московских городех **по два года была меженина великая и мор великой** (т. е. начиная с 1569 г. – **В.П.**), и мором де и межениною служивые многие люди и чернь в городех на посадах и в уездах вымерли» [Посольская книга... 2016, с. 76]. Лишь только после 1572 г. упоминания о голоде не встречаются в сохранившихся письменных источниках.

Заключение

Таким образом, есть все основания утверждать, что с осени 1567 г. по осень 1571 г., то есть на протяжении 4-х летряду Русскую землю терзали опустошительный мор (скорее всего, бубонная чума) и сильнейший голод. Наложившись на последствия многолетней войны и предыдущих неблагоприятных климатических условий, исчерпавших устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, они совместными усилиями вогнали экономику и общество в глубочайший кризис, который перешел в депрессию, длившуюся самое

меньшее еще десятилетие. Эта подлинная социально-экологическая катастрофа, растянувшаяся на несколько лет кряду, не могла не оказать самого негативного воздействия на ход военных действий (напомним, что в конце 60-х гг. Русское государство вело войну с татарами и литовцами) и на внутривосточную ситуацию в стране (голод и мор однозначно расценивались как наказание за грехи и общества в целом, и самого царя с его окружением – в аналогичной ситуации тремя с лишним десятилетиями спустя пала династия Годуновых, а страна погрузилась в Смуту). Подчеркнем, что, к примеру, в схожей ситуации начала века, когда Василию III пришлось столкнуться с противостоянием на крымском, литовском и казанском направлениях, до кризиса дело не дошло, и не в последнюю очередь потому, что климатические условия, как уже было отмечено выше, оказались более благоприятными, чем спустя столетия. Таким образом, можно утверждать, что именно социально-экологический кризис 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в., причиной которого стал мор и голод, запустил механизм кризиса социально-экономического и политического и последующей депрессии и стал тем переломным моментом в истории правления Ивана Грозного, который разделил историю его царствования на «светлую» и «темную» половины.

Список литературы

1. Александро-Невская летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Москва, Знак. 117–216.
2. Анхимюк Ю.В. 1992. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины. Архив русской истории. 2: 121–129.
3. Бараш С.И. 1989. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Москва, Гидрометеиздат. 237.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. Москва, Мысль. 522.
5. Бродель Ф. 2007. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. Москва, Изд-во «Весь мир». 752.
6. Бродель Ф. 2002. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. Москва, Языки славянской культуры. 495.
7. Вологодская летопись. 1982. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Ленинград, Наука. 160–193.
8. Греков Б.Д. 1954. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 2. Москва, АН СССР. 470.
9. Двинской летописец. 1977. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Ленинград, Наука, 148–221.
10. Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора князя Василия Кропоткина 1586 г. 2001. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин: 55–117.
11. Дополнения к Никоновской летописи. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Москва, Языки русской культуры: 303–408.
12. Дулов А.В. 1983. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). Москва, Наука. 255.
13. Дурновцев В.И. 2017. «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки). Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 6: 10–19.
14. Зимин А.А. 1950. Летописчик Игнатия Зайцева. Краткие летописцы XV–XVI вв. Исторический архив. Т. V: 14–22.
15. Зимин А.А. 1962. «Хозяйственный кризис» 60–70-х годов XVI в. и русское крестьянство. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Москва, Т. V: 11–20.
16. Ильинский А.Г. 1897. Городское население Новгородской области в XVI веке. Историческое обозрение. Сборник Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском университете, изд. под ред. Н.И. Кареева. Санкт-Петербург, Тип. М.М. Стасюлевича. Т. IX: 119–243.
17. Каштанов С.М. 1963. К изучению опричнины Ивана Грозного. История СССР. 2: 96–117.

18. Колычева Е.И. 1987. Аграрный строй России XVI века. Москва, Наука. 229.
19. Корецкий В.И. 1981. Соловецкий летописец конца XVI в. Летописи и хроники. 1980. Москва, Наука: 223–243.
20. Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва, ИА РАН. 548.
21. Кульпин Э.С. 1990. Человек и природа в Китае. Москва, Наука. 248.
22. Лебедевская летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Москва, Знак: 224–355.
23. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Москва, Языки русской культуры. 544.
24. Львовская летопись. 2005. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Москва, Языки славянских культур. 704.
25. Маньков А.Г. 1951. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. Москва – Ленинград, Изд.-во АН СССР. 274.
26. Милов, Л.В. 2001. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва, РОССПЭН. 576.
27. Новгородская вторая (Архивская) летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Москва, Рукописные памятники древней Руси: 147–205.
28. Писцовая книга дворцового села Паозерья с деревнями письма и меры Образца Баракова и подьячего Быка Михайлова 7081 (1572/73) г. 2009. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6. Писцовые книги Шелонской пятины XVI века. Москва, Памятники исторической мысли. 382.
29. Писцовые книги Новгородской земли. 2004. Т. 5. Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. Москва, Древлехранилище. 510.
30. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. 2016. Москва, Изд. дом Марджани. 400.
31. Прусаков Д.Б. 1999. Природа и человек в древнем Египте. Москва, Московский лицей. 240.
32. Псковская 1-я летопись. 2003. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Москва, Языки славянской культуры. 256.
33. Псковская 3-я летопись. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Москва, Языки русской культуры. 368.
34. Разрядная книга 1475–1598. 1966. Москва, Ин-т истории СССР. 614.
35. Русский хронограф. 2005. Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Москва, Языки славянских культур. 896.
36. Соколовский П.А. 1878. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей пред крепостным правом. Санкт-Петербург, Тип. Ф.С. Сущинского. 266.
37. Соловьев С.М. 1991. История России с древнейших времен. Т. 13. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. Москва, Мысль. 701.
38. Тихомиров М.Н. 1941. Краткие летописные записки эпохи опричнины. Малоизвестные летописные памятники XVI в. Исторические записки. Т. 10: 88–92.
39. Устюжская летопись. 1982. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Ленинград, Наука. 17–103.
40. Холмогорская летопись. 1977. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Ленинград, Наука: 10–147.
41. Шлихтинг А. 2005. Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана. Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань, Александрия: 375–378.
42. Штаден Г. 2008. Записки о Московии. Т. I. Москва, Древлехранилище, 582.
43. Яницкий О.Н. 1915. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, Типография Императорского Университета Св. Владимира. 235.
44. Aberth J. 2013. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York, Routledge. 326.

45. *Bison and People on the North American Great Plains. A Deep environmental history 2016* / Ed. by G. Cunfer and B. Waiser. College Station, Texas A&M University Press. 323.
46. *Companion to Environmental Studies 2018*. Ed. by Noel Castree, Mike Hulme and James D. Proctor. London – New York, Routledge. 848.
47. *A Companion to Global Environmental History. 2012*. Ed. By J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell. 544.
48. Diamond J. 1997. *Guns, germs, and steel: the fates of human societies*. New York – London, W.W. Norton & Company. 457.
49. *Encyclopedia of world environmental history. 2004*. Ed. By Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchant. Vol. I–III. London, Routledge. 1429.
50. Fisher M. 2018. *An Environmental History of India*. Cambridge: Cambridge University Press. 301.
51. Hoffmann R. 2014. *An Environmental History of Medieval Europe*. Cambridge, Cambridge University Press. 409.
52. Hughes D. 2001. *An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life*. London and New York, Routledge. 264.
53. *The Oxford handbook of environmental history / edited by Andrew C. Isenberg (2014)*. Oxford-New York, Oxford University Press. 783.
54. Simmons I.G. 2008. *Global Environmental History 10000 B. C. to A. D. 2000*. Edinburg, Edinburg University Press. 271.
55. Strykowski M. 1846. *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi. T. II*. Warszawa. 572.
56. Thommen L. 2012. *An Environmental History of Ancient Greece and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press. 186.

References

1. Aleksandro-Nevskaya letopis' [Alexander Nevsky Chronicle]. 2009. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. T. XXIX. Moscow, Znak [Publishing house «Sign»]: 117–216 (in Russian).
2. Anhimyuk Yu.V. 1992. *Zapisi letopisnogo haraktera v rukopisnom sbornike Kirillo-Belozerskogo sobraniya – novyj istochnik po istorii oprichniny [Records of a chronicle nature in the handwritten collection of the Kirillo-Belozersk collection – a new source on the history of the oprichnina]*. *Arhiv ruskoj istorii [Archive of Russian history]*. 2: 121–129 (in Russian).
3. Barash S.I. 1989. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n. e.) [History of crop failures and weather in Europe (up to the 16th century A. D.)]*. M.: Moscow, Gidrometeoizdat. 237 (in Russian).
4. Borisenkov E.P., Paseckij V.M. 1988. *Tysyacheletnyaya letopis' neobyčajnyh yavlenij prirody [Millennial chronicle of extraordinary natural phenomena]*. Moscow, Mysl' [Publishing house «Thought»]: 522 (in Russian).
5. Brodel' F. 2007. *Material'naya civilizaciya. Ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. T. 3 Les jeux de l'échange]*. Moscow, Izd-vo «Ves' mir» [Publishing house «Ves mir»]. 752 (in Russian).
6. Brodel' F. 2002. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epohu Filipa II. Chast' I. Rol' sredi [La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II. T. 1. La part du milieu]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture]. 495 (in Russian).
7. *Vologodskaya letopis' [Vologda Chronicle], 1982 // Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. T. 37. Leningrad. Nauka [Publishing house «Science»]: 160–193 (in Russian).
8. Grekov B.D. 1954. *Krest'jane na Rusi s drevnejših vremen do XVII veka [Peasants in Russia from ancient times to the 17th century]*. Kn. 2. Moscow, AN SSSR [Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR]. 470 (in Russian).
9. *Dvinskij letopisec [Dvina chronicle]*. 1977. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. T. 33. Leningrad. Nauka [Publishing house «Science»]: 148–221 (in Russian).
10. *Dozornaya kniga Sofijskoj storony Velikogo Novgoroda dozora knyazya Vasiliya Kropotkina 1586 g. [The inspection book of the Sofia side of Veliky Novgorod, the patrol of Prince*

Vasily Kropotkin 1586]. 2001. Velikij Novgorod vo vtoroj polovine XVI v. Sbornik dokumentov [Veliky Novgorod in the second half of the 16th century. Collection of documents]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. 55–117 (in Russian).

11. Dopolneniya k Nikonovskoj letopisi [Additions to the Nikon Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XIII. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]: 303–408 (in Russian).

12. Dulov A.V. 1983. Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konec XV – seredina XIX veka) [Geographical environment and history of Russia (late 15th – mid 19th century)]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 255 (in Russian).

13. Durnovcev V.I. 2017. «Environmental History» kak «ekologicheskaya istoriya» (istoriograficheskie zametki) [«Environmental History» as «Ecological History» (Historiographic Notes)]. Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. 6: 10–19 (in Russian).

14. Zimin A.A. 1950. Letopischik Ignatiya Zajceva. Kratkie letopiscy XV–XVI vv. [Chronicler Ignatius Zaitsev. Brief chroniclers of the 15th – 16th centuries]. Istoricheskij arhiv [Historical archive]. T. V: 14–22 (in Russian).

15. Zimin A.A. 1962. «Hozyajstvennyj krizis» 60–70-h godov XVI v. i russkoe krest'yanstvo [«Economic Crisis» of the 60s – 70s of the 16th century and the Russian peasantry]. Materialy po istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva SSSR [Materials on the history of agriculture and the peasantry of the USSR]. Moscow, T. V: 11–20 (in Russian).

16. Il'inskij A.G. 1897. Gorodskoe naselenie Novgorodskoj oblasti v XVI veke. Istoricheskoe obozrenie [Urban population of the Novgorod region in the 16th century]. Sbornik Istoricheskogo Obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete [Historical review. Collection of the Historical Society at the Imperial St. Petersburg University], izd. pod red. N.I. Kareeva. T. IX. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha: 119–243 (in Russian).

17. Kashtanov S.M. 1963. K izucheniyu oprichniny Ivana Groznogo [To the study of Ivan the Terrible's oprichnina]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 2: 96–117 (in Russian).

18. Kolycheva E.I. 1987. Agrarnyj stroj Rossii XVI veka [Agrarian system of Russia in the XVI century]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 229 (in Russian).

19. Koreckij V.I. 1981. Soloveckij letopisec konca XVI v. [Solovetsky chronicler of the late 16th century]. Letopisi i hroniki [Chronicles and records]. 1980. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]: 223–243 (in Russian).

20. Krenke N.A. 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya bassejna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Dyakovo settlement: the culture of the population of the Moskva River basin in the 1st millennium B. C. – 1st millennium A. D.]. Moscow, IA RAN. 548 (in Russian).

21. Kul'pin E.S. 1990. Chelovek i priroda v Kitae [Man and Nature in China]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 248 (in Russian).

22. Lebedevskaya letopis' [Lebedev Chronicle]. 2009. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXIX. Moscow, Znak [Publishing house «Sign»]: 224–355 (in Russian).

23. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Chronicle compilation called the Patriarch or Nikon Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XIII. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]. 544 (in Russian).

24. L'vovskaya letopis' [Lvov's Chronicle]. 2005. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XX. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic culture]. 704 (in Russian).

25. Man'kov A.G. 1951. Ceny i ih dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka [Prices and their movement in the Russian state of the XVI century]. Moscow – Leningrad, Izd.-vo AN SSSR [Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR]. 274 (in Russian).

26. Milov L.V. 2001. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 576 (in Russian).

27. Novgorodskaya vtoraya (Arhivskaya) letopis' [Novgorod second (Archive) chronicle]. 2009. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXX. Moscow, Rukopisnye pamyatniki drevnej Rusi [Manuscript monuments of ancient Russia]: 147–205 (in Russian).

28. Piscovaya kniga dvorcovogo sela Paozer'ya s derevnyami pis'ma i mery Obrazca Barakova i pod'yachego Byka Mihajlova 7081 (1572/73) g. [Scribble book of the palace village of Paozerye with the villages of writing and measures of Sample Barakov and clerk Bull Mikhailov 7081 (1572/73)]. 2009. Piscovye knigi Novgorodskoj zemli. T. 6. Piscovye knigi Shelonskoj pyatiny XVI veka [Scribes of the Novgorod land. T. 6. Scribe books of the Shelonskaya pyatina of the 16th century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli [Monuments of historical thought]. 382 (in Russian).
29. Piscovye knigi Novgorodskoj zemli [Scribe books of the Novgorod land]. 2004. T. 5. Piscovye knigi Derevskoj pyatiny 1550–1560-h gg. [V. 5. Scribes of the Derevskaya Pyatina of the 1550–1560s.]. Moscow, Drevlekhranilishche. 510 (in Russian).
30. Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571–1577 gg. [Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with the Crimea 1571–1577]. 2016. Moscow, Izd. dom Mardzhani [Publishing house Mardzhani]. 400 (in Russian).
31. Prusakov D.B. 1999. Priroda i chelovek v drevnem Egipte [Nature and Man in Ancient Egypt]. Moscow, Moskovskij licej [Moscow Lyceum]. 240 (in Russian).
32. Pskovskaya 1-ya letopis' [Pskov 1st Chronicle]. 2003. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. V. Vyp. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture]. 256 (in Russian).
33. Pskovskaya 3-ya letopis' [Pskov 3rd Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. V. Vyp. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]. 368 (in Russian).
34. Razryadnaya kniga 1475–1598 [Rank book 1475–1598]. 1966. Moscow, In-t istorii SSSR. 614 (in Russian).
35. Russkij hronograf [Russian chronograph]. 2005. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXII. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur [Languages of Slavic culture]. 896 (in Russian).
36. Sokolovskij P.A. 1878. Ekonomicheskij byt zemledel'cheskogo naseleniya Rossii i kolonizaciya yugovostochnyh stepej pred krepostnym pravom [The economic life of the agricultural population of Russia and the colonization of the southeastern steppes under serfdom]. St. Petersburg, tip. F.S. Sushchinskogo. 266 (in Russian).
37. Solov'ev S.M. 1991. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. T. 13. Solov'ev S.M. Sochineniya [Essays]. Kn. VII. Moscow, Mysl' [Publishing house «Thought»]. 701 (in Russian).
38. Tihomirov M.N. 1941. Kratkie letopisnye zapiski epohi oprichniny. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki XVI v. [Brief chronicle notes of the oprichnina era. Little-known chronicle monuments of the 16th century]. Istoricheskie zapiski [Historical notes]. T. 10: 88–92 (in Russian).
39. Ustyuzhskaya letopis' [Ustyug chronicle]. 1982. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. 37. Leningrad, Nauka [Publishing house «Science»]: 17–103 (in Russian).
40. Holmogorskaya letopis' [Kholmogory chronicle]. 1977. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. 33. Leningrad, Nauka [Publishing house «Science»]: 10–147 (in Russian).
41. Shlihting A. 2005. Novosti iz Moskovii, soobshchennye dvoryaninom Al'bertom Shhlihtingom, o zhizni i tiranii gosudarya Ivana [News from Muscovy, reported by the nobleman Albert Schlichting, about the life and tyranny of Tsar Ivan]. Rejngol'd Gejdenshtejn. Zapiski o Moskovskoj vojne (1578–1582). Al'bert Shlihting. Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. Genrih Shtaden. O Moskve Ivana Groznogo [Reingold Heydenstein. Notes on the Moscow War (1578–1582). Albert Schlichting. New news about Russia in the time of Ivan the Terrible. Heinrich Staden. About Moscow Ivan the Terrible]. Ryazan', Aleksandriya: 375–378 (in Russian).
42. Shtaden G. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. T. I. Moscow, Drevlekhranilishche, 582 (in Russian).
43. Yanickij O.N. 1915. Ekonomicheskij krizis v Novgorodskoj oblasti XVI veka (po piscovym knigam) [The economic crisis in the Novgorod region of the XVI century (according to scribes books)]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira [Printing house of the Imperial University of St. Vladimir]. 235 (in Russian).
44. Aberth J. 2013. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York, Routledge. 326.

45. *Bison and People on the North American Great Plains. A Deep environmental history.* 2016. Ed. by G. Cunfer and B. Waiser. College Station, Texas A&M University Press. 323.
46. *Companion to Environmental Studies.* 2018. Ed. by Noel Castree, Mike Hulme and James D. Proctor. London – New York, Routledge. 848.
47. *A Companion to Global Environmental History.* 2012. Ed. By J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell. 544.
48. Diamond J. 1997. *Guns, germs, and steel: the fates of human societies.* New York – London, W.W. Norton & Company. 457.
49. *Encyclopedia of world environmental history.* 2004. Ed. By Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchant. Vol. I–III. London, Routledge. 1429.
50. Fisher M. 2018. *An Environmental History of India.* Cambridge, Cambridge University Press. 301.
51. Hoffmann R. 2014. *An Environmental History of Medieval Europe.* Cambridge, Cambridge University Press. 409.
52. Hughes D. 2001. *An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life.* London and New York, Routledge. 264.
53. *The Oxford handbook of environmental history.* Edited by Andrew C. Isenberg (2014). Oxford-New York, Oxford University Press. 783.
54. Simmons I.G. 2008. *Global Environmental History 10000 B. C. to A. D. 2000.* Edinburg, Edinburg University Press. 271.
55. Strykowski M. 1846. *Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. T. II.* Warszawa. 572.
56. Thommen L. 2012. *An Environmental History of Ancient Greece and Rome.* Cambridge, Cambridge University Press. 186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly V. Penskoj, Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia